

Чешская диглоссия: истоки и перспективы

© доктор филологических наук А.И. Изотов (Россия), 2013

Ключевые слова: чешский язык, языковая ситуация, диглоссия, литературный язык, обиходно-разговорный язык, койне

Характерной особенностью современной чешской языковой ситуации является её близость к классической ситуации диглоссии как особого варианта двуязычия, при котором на одной и той же территории в одном и том же социуме сосуществуют два идиома («высокий» и «низкий»), применяемые их носителями в различных функциональных сферах. На большей части территории современной Чехии мы обнаруживаем, с теми или иными оговорками, все основные признаки классической диглоссии в понимании Ч. Фергюсона [Ferguson 1972], а именно:

1. Различаются «высокий» (*spisovná čeština*) и «низкий» (*obecná čeština*) идиом, находящиеся в отношениях дополнительной дистрибуции: в ситуациях, когда употребляется один из них, неуместно, а часто и невозможно употребление другого.

2. Социальный престиж первого идиома (*spisovná čeština* - 'литературный чешский язык') высок, социальный престиж второго идиома (*obecná čeština* - 'обиходно-разговорное чешское койне') низок.

3. Литературный чешский язык соотносится с многовековой литературной традицией: так называемая «Пражская Библия» на чешском языке была напечатана в 1488 году - за 93 года до Острожской Библии Ивана Фёдорова.

4. Обиходно-разговорный чешский усваивается «естественным» путем, то есть через живое общение, литературный чешский усваивается в школе посредством формального обучения.

5. Литературный чешский кодифицирован, обиходно-разговорный чешский не кодифицирован, хотя и характеризуется общепринятой в социуме имплицитной нормой.

6. Сложившаяся чешская диглоссная ситуация достаточно стабильна, во всяком случае, она существует в течение целого ряда поколений.

7. Грамматический строй обиходно-разговорного чешского на синхронном уровне выглядит как упрощённый вариант грамматического строя литературного чешского.

8. Хотя основная часть лексики является общей для обоих идиомов, существует немалое количество лексических вариантов, выбор одного из которых однозначно относит высказывание к литературному чешскому или же к обиходно-разговорному чешскому.

9. Система фонем обоих идиомов идентична или практически идентична (возможны неоднозначные интерпретации фонологического статуса некоторых единиц или их сочетаний).

Истоки данного положения вещей следует искать, по нашему мнению, в особенностях исторического развития Чехии и всего региона за последние несколько столетий. В результате ряда исторических событий, приведших в итоге к трансформации Священной Римской империи как наднационального образования в империю наследственных земель габсбургской династии, Чехия из центрально-европейской сверхдержавы к XVIII веку фактически превратилась в австрийскую провинцию, а чешский язык оказался вытесненным (полностью или почти полностью) из большинства сфер функционирования естественного языка – сфер науки, литературы, повседневного общения значительной части населения Чехии и Моравии, оказавшейся к тому времени немецкой или германизированной. Вспомним, что в 1918 году Масарику и Бенешу, чтобы сформировать Чехословакию как мононациональное государство (с национальными меньшинствами – немцами, венграми, украинцами и т.д.), пришлось сделать основой государственной доктрины концепцию «чехословакизма», постулирующую существование «чехословацкого» этноса и «чехословацкого» языка, иначе немцы не укладывались в традиционное национальное меньшинство, см. [Obrátil 1936].

Даже в сельской местности на рубеже XVIII-XIX веков целые регионы были немецкоязычными, в городах же чешский язык воспринимался зачастую как «язык служанок» (Dienetinnensprache). Видимо, чехов ждала участь полабских славян, без остатка растворившихся в немецком массиве, или лужицких сербов, растворяющихся сейчас, если бы не взлет патриотических настроений в конце XVIII-первой половине XIX веков. «Патриарх славистики» Йозеф Добровский пишет «Подробное научное описание богемского языка немцам для обстоятельного изучения оного, богемцам же для совершенного понимания» [Dobrowsky 1809], Йозеф Юнгманн составляет многотомный чешско-немецкий словарь [Jungmann 1835-1839], в который смело включает, богемизировав их огласовку, слова иных славянских языков, прежде всего польского и русского.

Однако Й. Добровский, составляя свою «Подробное научное описание...», ориентировался прежде всего на чешские художественные тексты так называемого добелогорского периода – периода расцвета чешской литературы в XVI-начале XVII столетий. В результате в этой грамматике оказались не отраженными вообще либо отраженными в недостаточной степени многие существенные изменения в фонетике, морфологии, синтаксисе, произошедшие в собственно-чешских говорах более чем за два столетия.

Среди ответов на извечные вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?» можно услышать и весьма радикальные. Во всем виноват Й. Добровский, который вместо того, чтобы кодифицировать живой чешский язык, почему-то взял за образец язык средневековых манускриптов и инкунабул. Давайте же хоть сейчас (лучше поздно, чем никогда) кодифицируем этот живой язык, ср. материалы конференции в Оломоуце [Spisovná... 1995].

К сожалению, призывы подобного рода нельзя принимать всерьез. В-первых, «живой чешский язык» – абстракция. Собственно-чешское обиходно-разговорное койне (*obecná čeština*), которое под «живым чешским языком» обычно понимается, не покрывает всей территории распространения чешского языка. Сделать обиходно-разговорный чешский язык (так переводила термин *obecná čeština* ведущий отечественный богемист минувшего столетия профессор А.Г. Широкова [Васильева, Широкова 2003]) языком литературным значило бы нарушить естественные права тех чехов, у которых другой «живой чешский язык» (например, *obecná moravština* – обиходно-разговорное моравское койне или *obecná laština* – обиходно-разговорное силезское койне).

Если и сейчас, после масштабных унификационных процессов XX века (мировые войны; преобладание городского населения над сельским; массовая коммуникация) нет единого «живого чешского языка», которым можно было бы заменить литературный чешский язык (успешно функционирующий), справедливо ли упрекать Й. Добровского, что он не нашел подходящего для кодификации «живого чешского языка» двести лет назад, когда чешские диалекты были практически законсервированы (тогдашний крестьянин, выбиравшийся пару раз в году в город или на ярмарку, всю свою жизнь слышал своих же соседей)? Кроме того, Й. Добровский в общем-то и не собирался ничего кодифицировать, так как «не считал, что чешский язык нужно развивать для тонкого языка искусства и научного стиля» [Petr 1989: 35]. Он блестяще выполнил грандиозную задачу помочь современному ему читателю (читателю немецкоязычному, ведь написана его грамматика на немецком языке и в первую очередь для немцев - вчитаемся в само название его грамматики) познакомиться с чешской литературой добелогорского периода. Лишь так называемое «второе поколение чешского национального возрождения» (середина XIX века) вознамерилось «сделать из чешского языка развитый национальный язык, который мог бы <...> во всех областях жизни заменить немецкий язык» [Petr 1989: 37]. Мы полагаем, что такое полувекое «запаздывание» связано с особенностями земского патриотизма многих тогдашних обитателей Чехии, которые очень долго предпочитали считать себя в первую очередь не чехами или немцами, а «богемцами», ср. [Веверкова 2012: 15-18].

Положительной стороной сложившейся ситуации являются богатейшие возможности использования оппозиции «литературный чешский язык» – «обиходно-разговорное койне» в качестве яркого стилистического средства. Обиходно-разговорные и диалектные (интердиалектные) элементы используются в художественной литературе и кинематографе в качестве одного из важных средств создания речевых портретов персонажей именно в силу их «неправильности». Как много это значит, видно на примере популярного чехословацкого сериала 70-х годов о следователе Земане. Поскольку большинство персонажей тридцати фильмов шпионско-криминального сериала не особенно искусны в изящной словесности, обиходно-разговорные и сленговые выражения зритель слышит с экрана вполне регулярно. Однако в «чешских титрах для людей с дефектами слуха», которыми сериал снабдила фирма PRAGUE PROMOTION s.r.o, выпустившая сериал в 2008 году на пятнадцати DVD в качестве «памятника тоталитарной эпохи», идет литературный чешский язык (*spisovná čeština*). Как много теряет фильм при «переводе» на литературный чешский язык, в данном случае буквально видно невооруженным глазом.

Как нам представляется, значительную, если не основную долю комического в «Приключениях бравого солдата Швейка» Я. Гашека составляет именно макаронизм текста (чешский литературный язык + обиходно-разговорное койне, обильно сдобренное вульгаризмами + немецкий). В русском переводе П. Богатырева «степень макароничности» понижается за счет исчезновения противопоставления «литературный чешский язык» – «обиходно-разговорное койне» (однако кое-где сохранены немецкие вкрапления, хотя в оригинальном чешском тексте этих вкраплений все равно было намного больше, они приводятся там не только в немецкой орфографии, но и «по-чешски» – в разной степени исковерканности, ср. *kvér* < *Gewähr*, *frajtr* < *Gefreute* и т.д.). При переводе книги на немецкий язык исчезают последние остатки макароничности и остается один лишь авторский юмор, местами довольно сомнительный. Поэтому, наверное, не случайно многие русские и почти все немцы из круга знакомых автора статьи воспринимают данную книгу Я. Гашека как скучноватую. Отметим, что при озвучивании роли Швейка в кинематографе немецкие актеры коверкают произношение, имитируя «богемский» выговор немцев из Чехии, Моравии, Словакии – *Böhmakeln* (тем самым макаронический текст оригинала замещается псевдомакароническим текстом перевода), см. [Torberg 2008].

Перспективы развития языковой ситуации в Чехии можно видеть в постепенном сближении чешского литературного языка и обиходно-разговорного койне. Литературный чешский язык (*spisovná čeština*) постепенно демократизируется, избавляясь от одних элементов и обза-

водясь другими. Обиходно-разговорные формы сначала проникают в литературный язык на правах дублетов, а затем могут стать основными (или даже единственными) вариантами, ср. формы типа *píši* > *píši/píšu* > *píšu*. Главное, этот процесс должен быть естественным и независимым от конъюнктурной риторики, ср. эмоциональную дискуссию на страницах ведущего чешского лингвистического журнала *Slovo a Slovesnost* в 2005-2006 годах в [Čermák, Sgall, Vybíral 2005], [Kořenský 2005], [Oliva 2005], [Čermák, Sgall, Vybíral 2006].

Следует также отметить, что если еще не так давно существование данной диглоссии «литературный чешский» - «обиходно-разговорный чешский» для собственно-чешских территорий не оспаривалось, хотя и оговаривалось, что в Моравии и Силезии данная ситуация осложняется наличием местных диалектов и интердиалектов [Daneš et al. 1997: 14-18], то в последние годы и чешские [Mluvená... 2011], и ведущие зарубежные богемисты [Bermel 2010] чаще говорят не о диглоссии, а о постдиглоссионной ситуации, так как в связи с общей демократизацией речи элементы обиходно-разговорного койне всё чаще проникают в те сферы общения, которые еще недавно были для них закрыты, так что прежняя ситуация дополнительной дистрибуции разрушается.

Разрушение названной диглоссии проходит на фоне явственно прослеживаемой в современной чешской лингвистике тенденции к отказу от классической дихотомии «литературный чешский» (*чеш.* spisovná čeština, *англ.* Standard Czech) - «обиходно-разговорный чешский» (*чеш.* obecná čeština, *англ.* Common Czech) в пользу дихотомии «письменный чешский» (*чеш.* psaná čeština, *англ.* Written Czech) - «устный чешский» (*чеш.* mluvená čeština, *англ.* Spoken Czech). Следует отметить и то, что термин «литературный чешский» (*spisovná čeština*), обязанный своему возникновению господствовавшей некогда франкофонной ориентации чешской лингвистической терминологии, всё чаще заменяется, как это видно из указанных в списке литературы исследований последнего десятилетия и даже из самих их названий, калькой с соответствующего английского термина «стандартный чешский» (*standardní čeština*, Standard Czech).

Свою роль в происходящем сыграла и произошедшая в последнее десятилетие так называемая «корпусная революция» [Изотов 2013]. Создание на рубеже тысячелетий крупных (сотни миллионов словопотреблений) электронных корпусов и связанное с этим беспрецедентное расширение эмпирической базы исследований привело к необходимости пересмотра многих традиционных взглядов на то или иное языковое явление, которые ранее базировались во многом на интуиции исследователя (речь идет прежде всего о недостаточно документированных явлениях языковой периферии). Но дело не только в возможно-

сти надежно установить особенности функционирования малоупотребительных и маргинальных явлений. Обращение к корпусу позволяет придать двумерному грамматическому описанию объем за счет введения третьего измерения - статистической характеристики описываемого, отметим первые попытки создания корпусно ориентированного грамматического описания современного чешского языка в Карловом университете в Праге [Svrgček et al. 2010] и в Институте чешского языка национальной Академии наук [Karitoly... 2011]. При этом исследователи обращаются к тем корпусам, которые имеются в наличии, - то есть к корпусам письменных и устных чешских текстов, поэтому и на выходе получают фактически описание «письменного чешского» (*чеш.* psaná čeština, *англ.* Written Czech) или «устного чешского» (*чеш.* mluvená čeština, *англ.* Spoken Czech), что также косвенно способствует размыванию рассмотренной выше диглоссии «литературный чешский» (*чеш.* spisovná čeština, *англ.* Standard Czech) - «обиходно-разговорный чешский» (*чеш.* obecná čeština, *англ.* Common Czech).

Изотов А.И. Чешская диглоссия: истоки и перспективы // Язык, сознание, коммуникация. - 2013. Вып. 47. - С. 224-230.

CZECH DIGLOSSIA: CAUSES AND PERSPECTIVES

A.I. Izotov

Key words: Common Czech, Standard Czech, Written Czech, Spoken Czech, diglossia, code-switching, register

Abstract

In this paper, a phenomenon of Common Czech in respect to Standard Czech is regarded. Czech has often been proposed as an example of diglossia according to Ferguson's original definition. However, the current Czech language situation is rather "post-diglossic", because features of different codes are intermingled in speech and writing in a way proscribed under descriptions of classical diglossia. Besides, in connection with the so called corpus revolution, the dichotomy Standard Czech × Common Czech is substituted gradually in academic publications by the dichotomy Written Czech × Spoken Czech.

References

- Васильева В.Ф., Широкова А.Г. Чешский язык в новом тысячелетии (общая характеристика языковой ситуации и динамических инноваций) // Славянский вестник. Вып. 1. - М., 2003. - С. 46-69.
- Веверкова К. Земский патриотизм педагога и священника немецкой национальности Антона Кромгольца (1790-1869) в водовороте революционного 1848 года: размышления над церковно-юридическими аспектами сосуществования чехов и немцев в Чехии // Правова держава. Вып. 14. - Одесса: Астропринт, 2012. - С. 12-18.
- Изотов А.И. Корпусная революция: от «искусства» к «науке» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 4-1. С. 68-71.
- Ausführliches Lehrgebäude der böhmischen Sprache zur gründlichen Erlernung derselben für Deutsche, zur vollkommenen Kenntnis für Böhmen / Von Joseph Dobrowsky. - Prag, 1809.
- Bermel N. O tzv. české diglosii v současném světě // Slovo a Slovesnost, 71. - Praha, 2010. № 1. - S. 5-30.
- Čermák Fr., Sgall P., Vybíral P. K diskusi o standardní a „spisovné“ češtině // Slovo a Slovesnost, 67. - Praha, 2006. № 4. - S. 267-282.
- Čermák Fr., Sgall P., Vybíral P. Od školské spisovnosti ke standardní češtině // Slovo a Slovesnost, 66. - Praha, 2005. № 2. - S. 103-115.
- Cvrček V. et al. Mluvnice současné češtiny. 1. Jak se píše a jak se mluví. - Praha: Karolinum, 2010. - 354 s.
- Daneš Fr. et al. Český jazyk na přelomu tisíciletí. - Praha: Academia, 1997. - 296 s.
- Ferguson Ch. Diglossia // Language and Social Structures / Ed. Giglioli P.P. - London: Penguin, 1972. - P. 232-251.
- Kapitoly z české gramatiky / Ed. Štícha Fr. - Praha: Academia, 2011. - 1192 s.
- Kořenský J. K článku Od školské spisovnosti ke standardní češtině: reakce na výzvu k diskusi // Slovo a Slovesnost, 66. - Praha, 2005. № 4. - S. 270-277.
- Mluvená čeština: hledání funkčního rozpětí / Eds. Čmejrková S., Hoffmannová J. - Praha: Academia, 2011. - 492 s.
- Obrátil K. J. Čítanka Dr. Edv. Beneše. - Brno: O. Sobek, 1936.
- Oliva K. Požadavky na úroveň diskuse o spisovné/standardní češtině // Slovo a Slovesnost, 66. - Praha, 2005. № 4. - S. 278-290.
- Petr J. Preface // Jungmann J. Slovník česko-německý. D.1. - Praha, 1989. S. 5-38.
- Slownjk česko-německý Josefa Jungmanna. - Praha, 1835-1839
- Spisovná čeština a jazyková kultura: Sborník z olomoucké konference 23.-27.8.1993. - Praha, 1995.
- Torberg F. Anhang: Als noch geböhmakelt wurde // Torberg F. Die Tante Jolesch und die Erben der Tante Jolesch (Doppelband). - München: Verlag Langen Müller, 2008. - S. 615-620.